

Госменнини и Вуцман
пра Влада. Б-ку СССР и
у. Г. Ленина.

111.

0-

1-

1

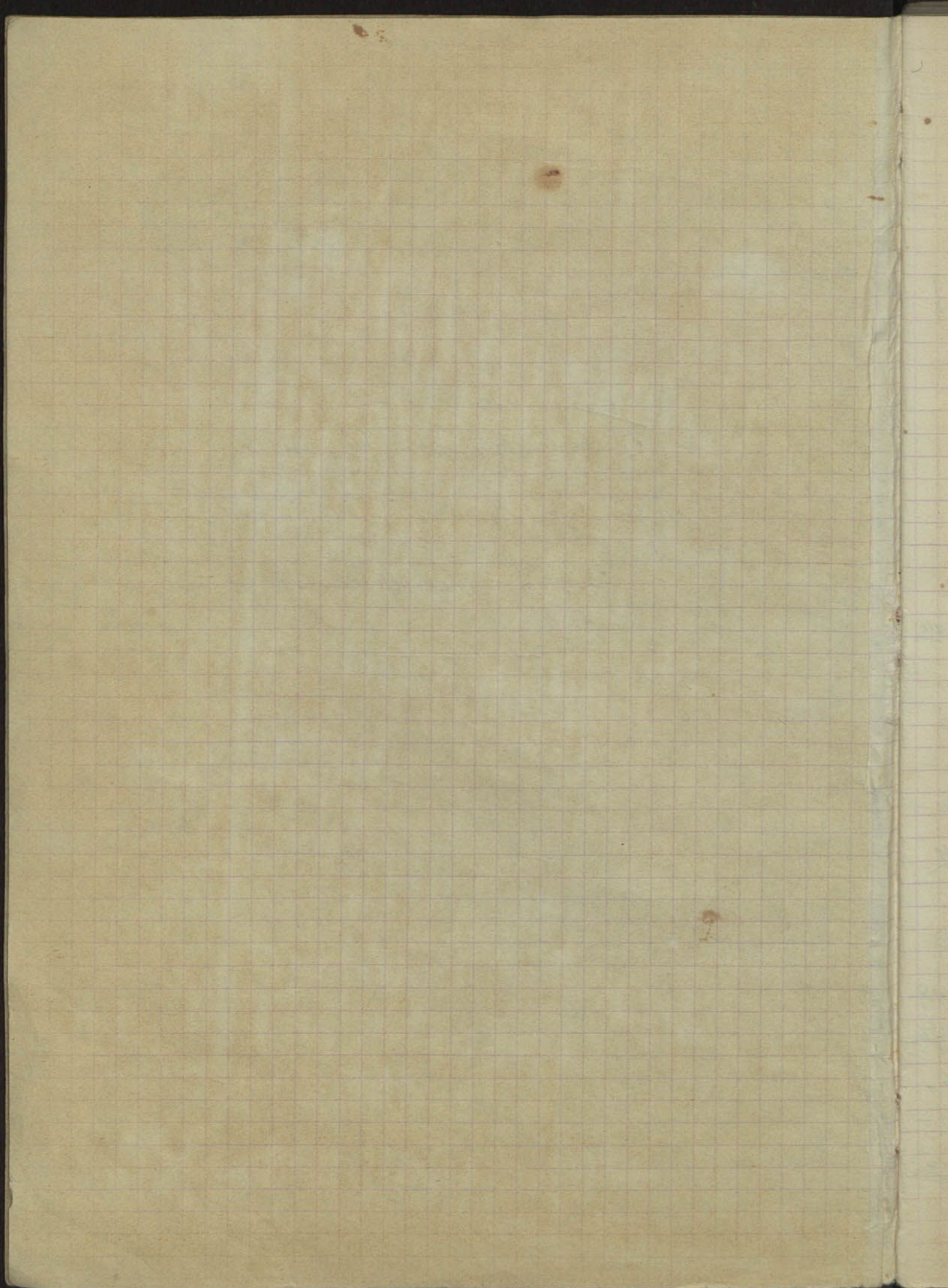
111

111

111

111

1

"На свято існую пробаю я написала прозой.
І то була моя перша оповість "На праці жінки". Першія старонкі я я писала ў гэце падрыхтоўкі да Беларускага зьдзелка ў камітэце Беларускага адрэса Ленінскай бібліятэкі. Писала ў перамяжку з дыпломнай работай на "Новай зямлі" Якуба Коласа. А канчаткі, данавана (наваўра адарваўшыся ад першэпачатковага здольна і хвалявання) ў Курскі. За моім сталіскім літэратурнага камітэтам і ў кніжнай рэдакцыі выдавецтва "Курскіх праўд" (каго і як здольна была ў тавы камітэтавец?) сьвела тавы і "сцяпны" метадам і першыя рэдакцыйнае машыністка "З байшова" ("Наше племне каховіцца по сьведству с племнем Івана Сяргеевіча Стурэнды").

А потым, усе за тым жа сталікам, прамой жа Курскіх паводы я писала таксама свая "Мякі-цафогі."

Васілевіч, Алена. Сьвеляюся над Беларускай. — Літ. і мастацтва, 1983, 25 ськав., с. 6. [с. 5-6].

[У 1946 г. ськонала афіцыйнае аранжэменту Беларускага зьдзелка ўн-та імя У. І. Леніна. Працавала літ. камітэтам і ў Курскіх сьбл. выдавецтва (1946-1950)].

"Думаем мы Вас [Адела Ерофовича Трандановича] встретим навсегда в Вильне Минске, если не будет возражений. Скорее всего заведующим Гелорусским отделением нашей Вебидмарки (в ней уже 110 тыс. томов, в Белор[усском] же отделе уже 6000 томов)."

Лена А. Писмо А. Я. Трандановичу
ад 23. IV. 1923 г. — М.ля
пажа: М., 1975, с. 136.

"Утвасіў — такі вельмі тэраўты кабінет для Вас.

*Наша бібліятэка закончыла складанне свайго сістэматычнага каталогу. У ёй больш за 190 000 тэмат! Але навуковыя сферавыя выпадковыя на складу навуковых твораў і памятаецца, як мы з Шыманоўскімі [Сіманоўскімі] прыз Вас тады ў бібліятэцы ма-ршлі ступіцца ў ЦВК да т. Заблякова, у Саўнаркоў да т. Адамовіча.

Тэты момант настая. За адсутнасцю т. Адамовіча мы пайшлі ў ЦВК, дэбідувшыся адзначылі ў т. Заблякова. Мы былі прыняты прывітанна вяселіам і ў той жа дзень, на Шыманоўскага і майму дакладу, прэзідэнт У. Спеўн [ягола] Кам[ітэта] паўнаваўч; 1) Адаўскае 5000 руб. адначасна не

задатки у Російську публічну бібліо-
теку (Ленинград) і у Ленінську держав.
бібліотеку (Москва — була бібліотека
Румянцевська музей), а також у
„Книжний двор“ Ленінга (тамтшійшала
Дзяржавы);

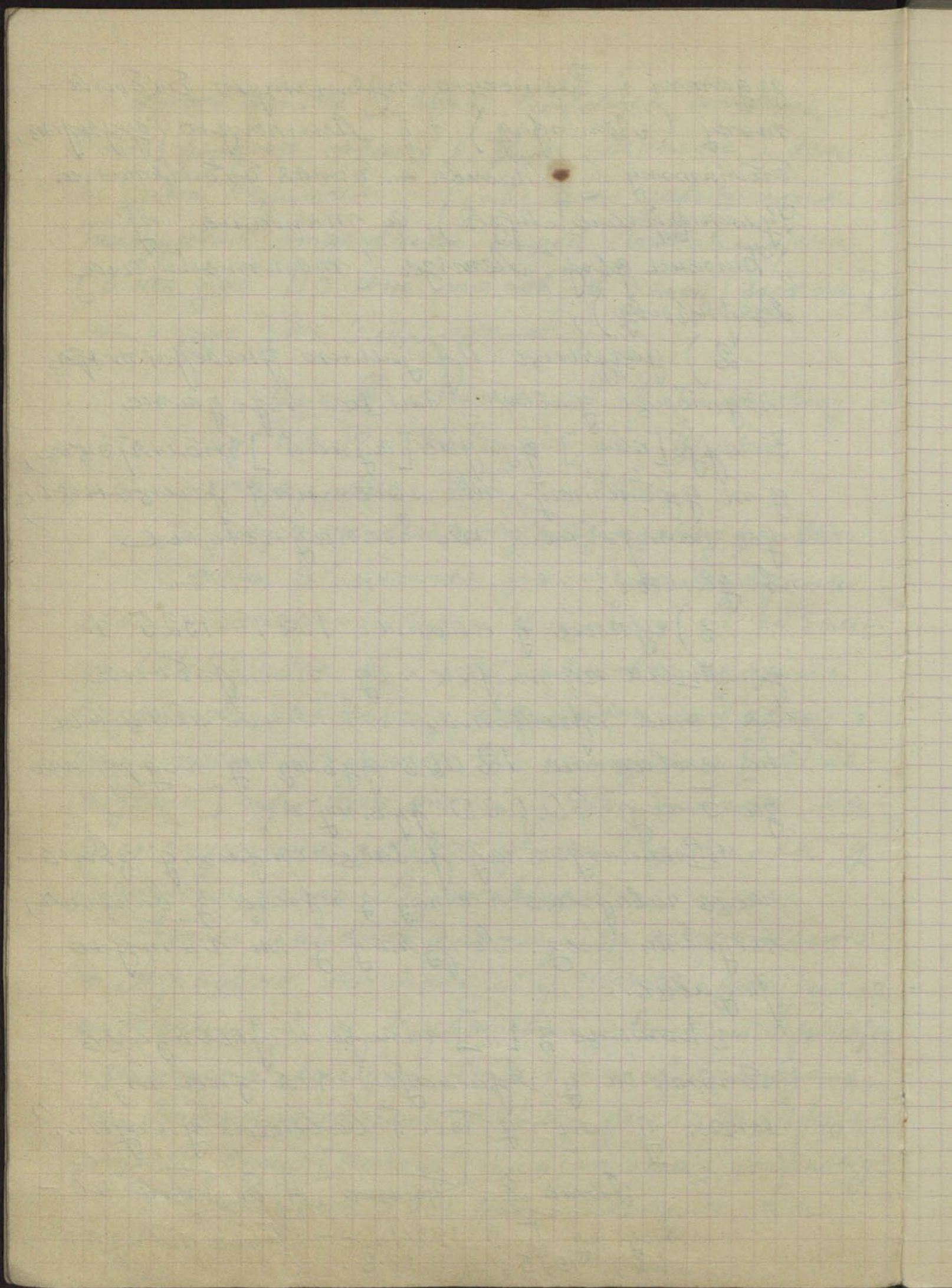
2) державне Крайньому університета
назначає умови з імі на продаж
Геларус[кай] дзярж[айнай] бібліотек,
з іх дублетай, на лютнай расхатнай
усе патрэбнай на напайненне
выданні;

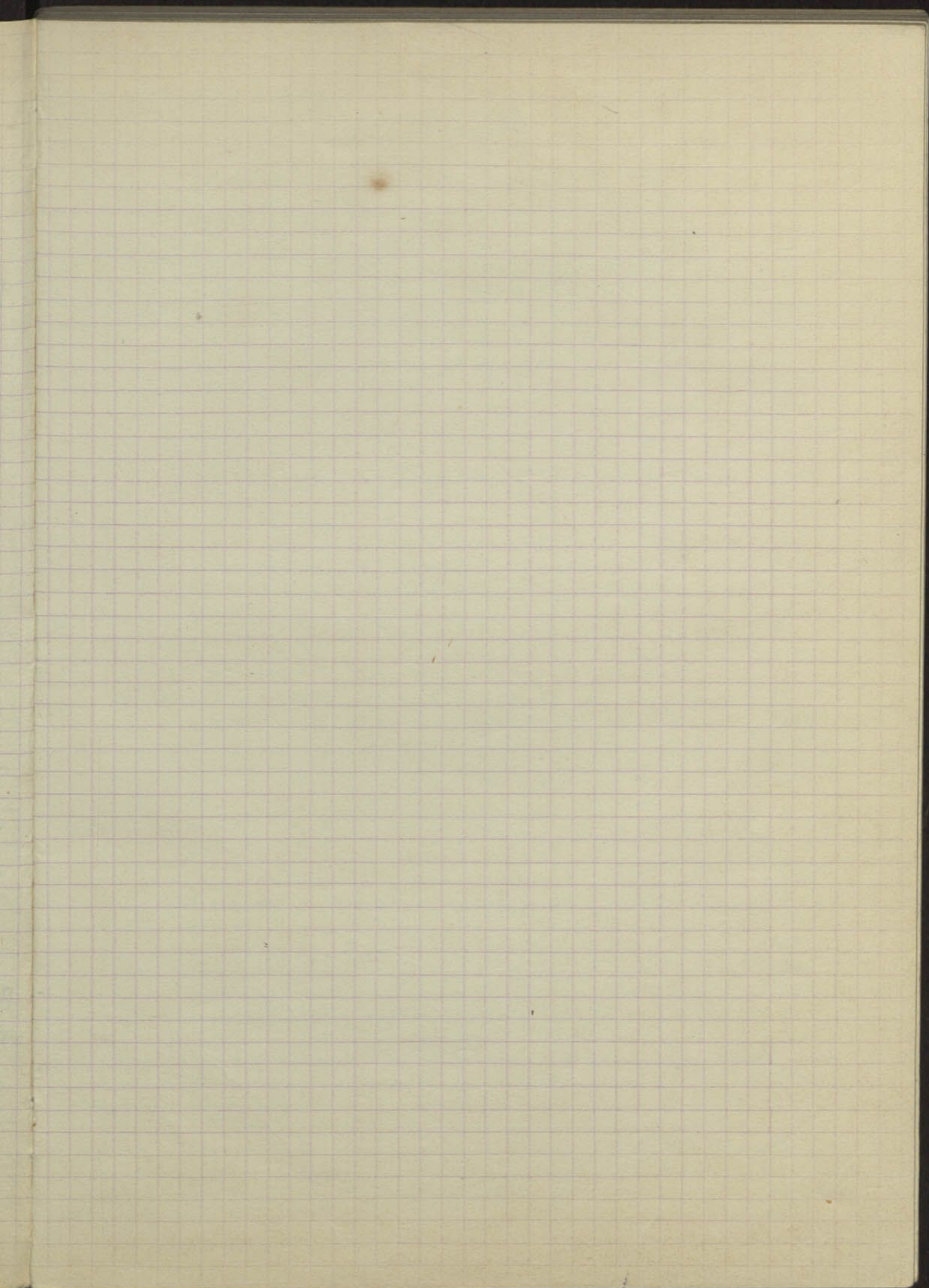
3) унесі у сметы 1924—1925 і
далейшых гамафох год патрэбных
на іста кривиты. А імы абяцаны
на слова на 12 000 рублей у год, усяго
за 5 год 60 000 рублей.

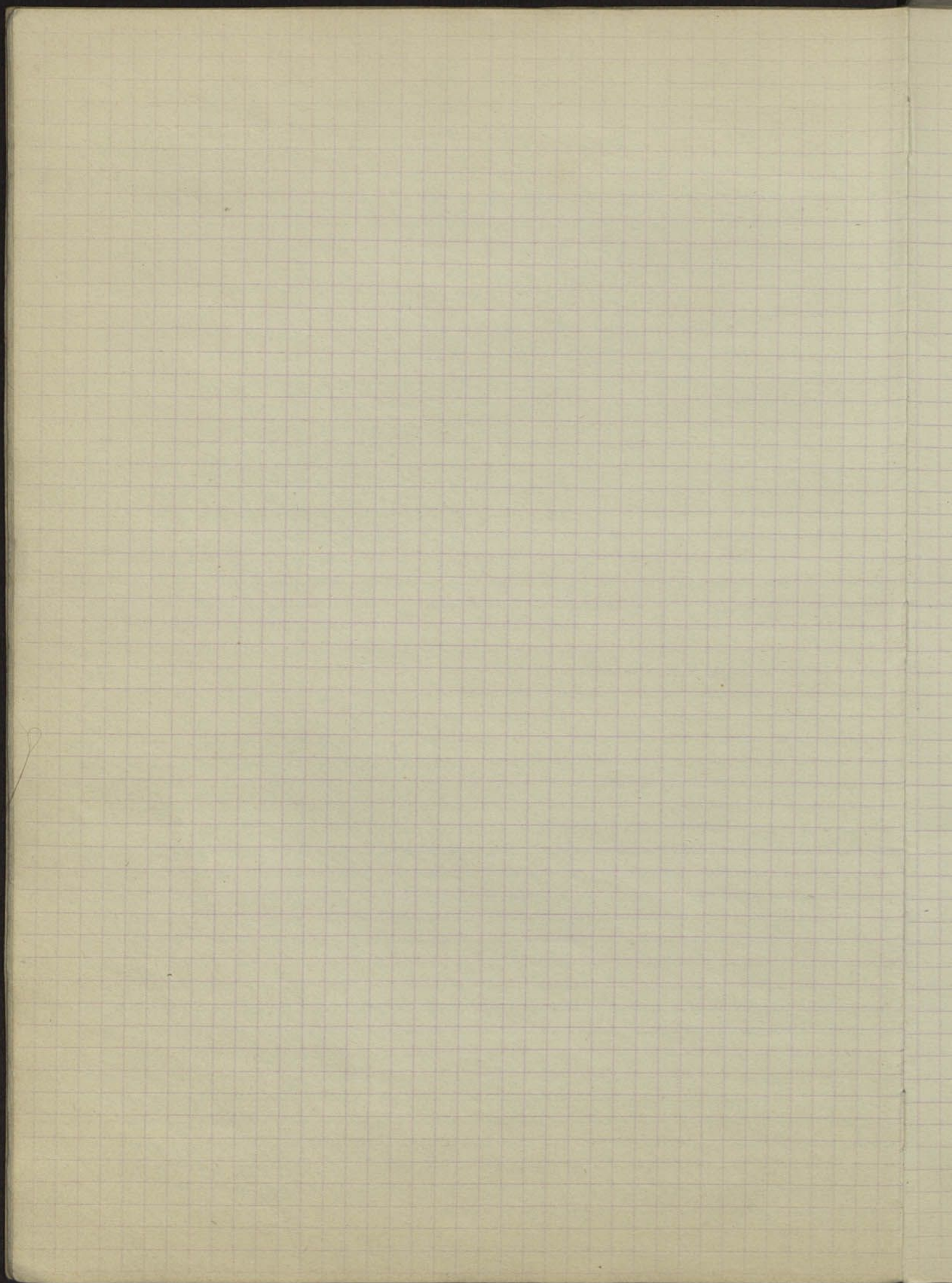
Шымакоўскі ад радасці етраціу здоль-
нась гаварыць і стаі з кржеле з вагыме,
поўнымі сляз. Я дзяліу з ім ішту
радаць.

Можна з [...] гонарам расказаць
аб гэтым у Крамліні, каб зналі,
як і нас у СССР Савецкая ўлада...!

Дома 2. Філімо А. Д. Тандано-
вічу ад 5. 9. 1924, — Млех наста.
Мн., 1975, с. 138.

Одоевцева И. На берегах Сены. -- М.: Искусство.
лит., 1989.

Воспоминания о С. Есенине, И. Северякине,
Гумилеве, Мережковском, В. Шнитке, И. Бутине
и др.

Тиндбадин Борис. Колокол: [Сб. стихов].

-- Москва: "Известия", 1989. -- 272 с.

Перед текстом предисловие Е. Евтушенки "Кротость и
мощь".

О, какая пора Б для души не настала
и какая судьба не взошла Б на порог,
в мирозданье, где было такое начало, --
Пушкин, Лермонтов, Гоголь, -- там выживет Бог.

"Страны о русской ответственности", с. 100.

В какой крови грешна моя Россия,
а я ей все же Пушкина прощу."

"Экспрессия в музей", с. 103.

Медведев Г. Предисловие к публикации // Вопросы
литературы. -- 1989. -- № 8. -- с. 149-177.
Если бы "Тихий Дон" вышел анонимно.

Ермолаев З. (Примеры, США) О книге Г.А. Медведева
"Кто написал "Тихий Дон"? (Париж, 1975) // Вопросы
литературы. -- 1989. -- № 8. -- с. 177-197.

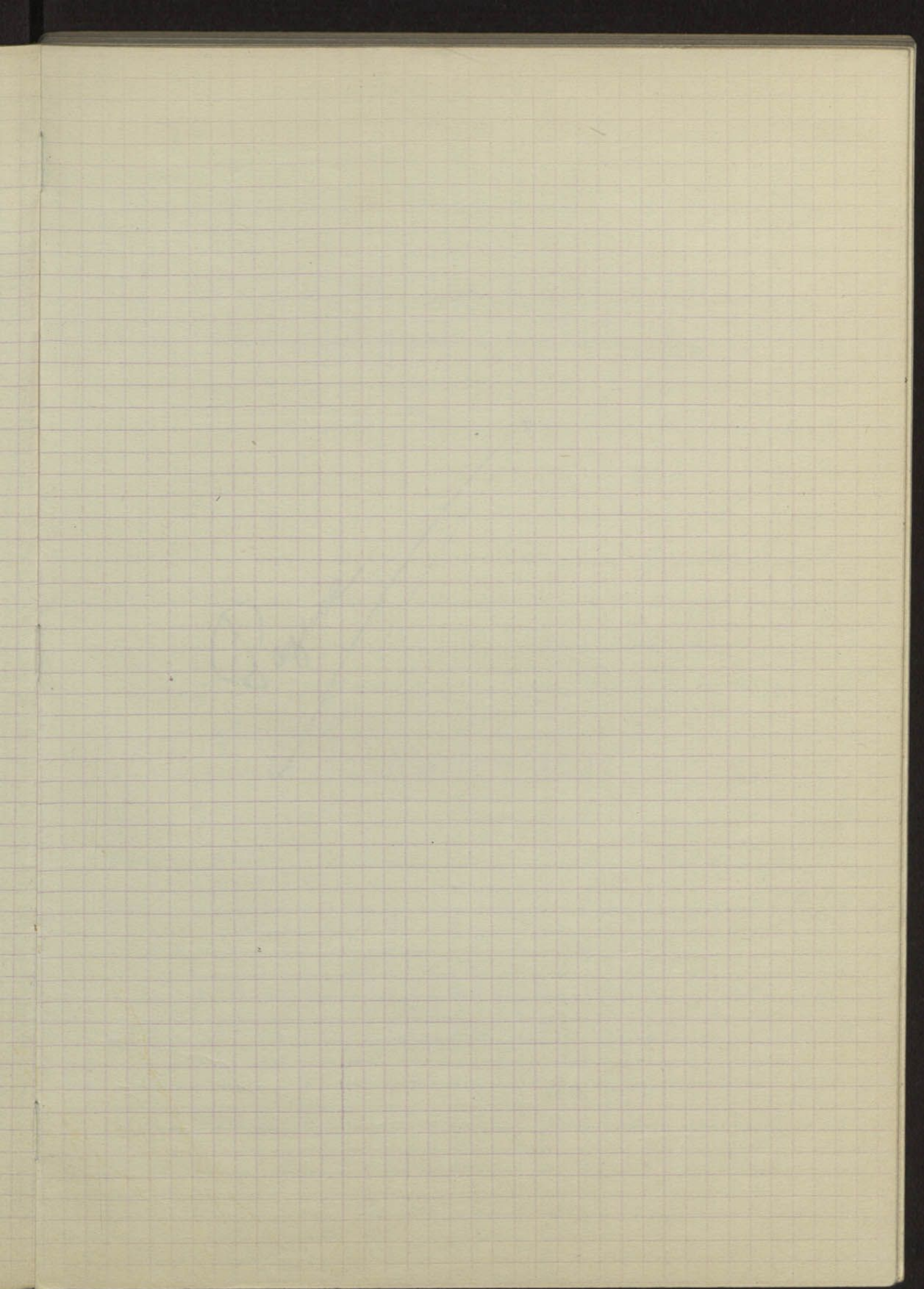
Медведев Г. Загадок становится все больше: [Ответ
профессору Герману Ермолаеву] // Вопросы литературы.
-- 1989. -- № 8. -- с. 198-216.

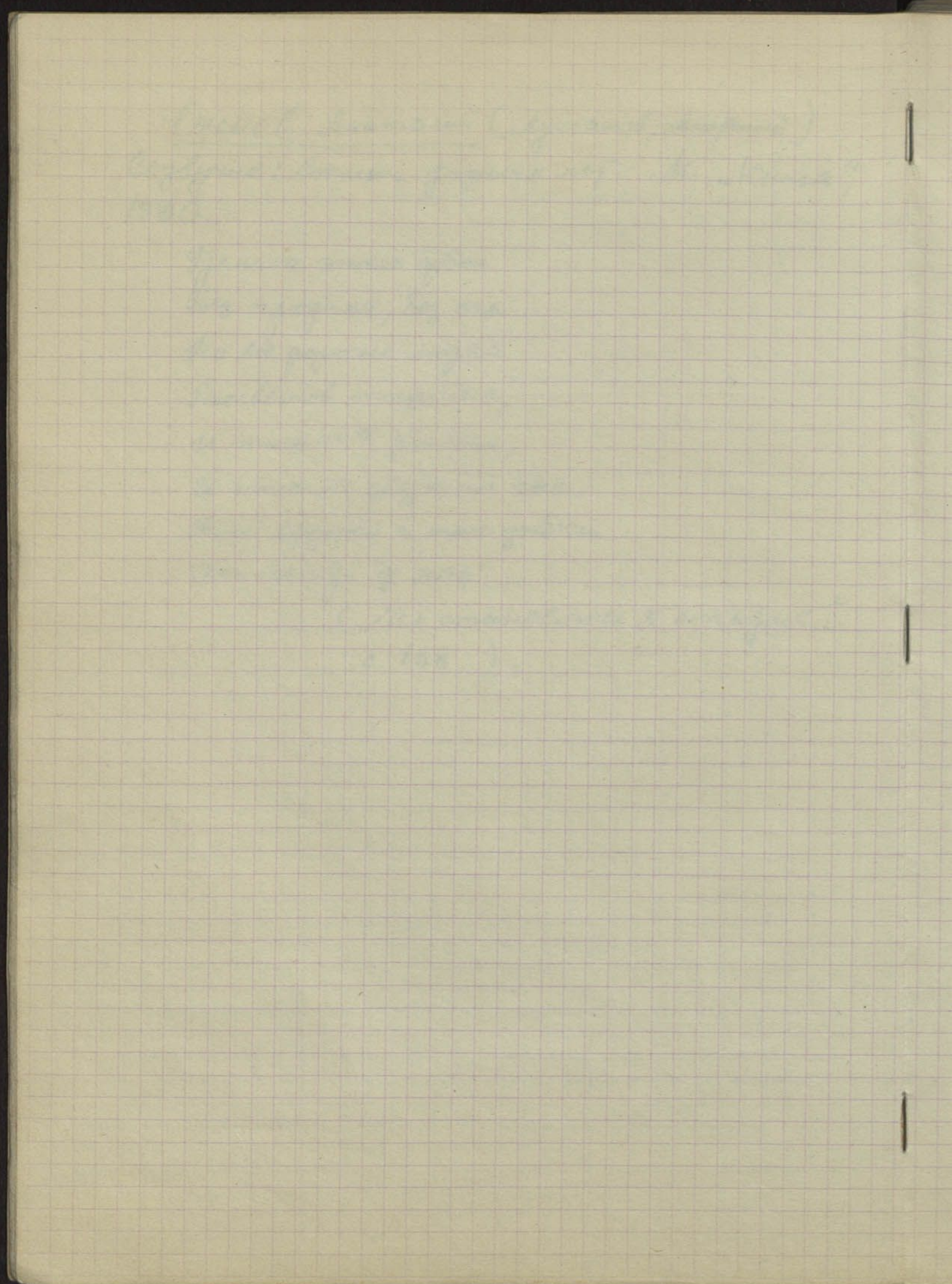
Осенев Анатолий (Лукьянов, Анатолий)

Созвучие: Стихи разных лет: М., «Книга»,
1990.

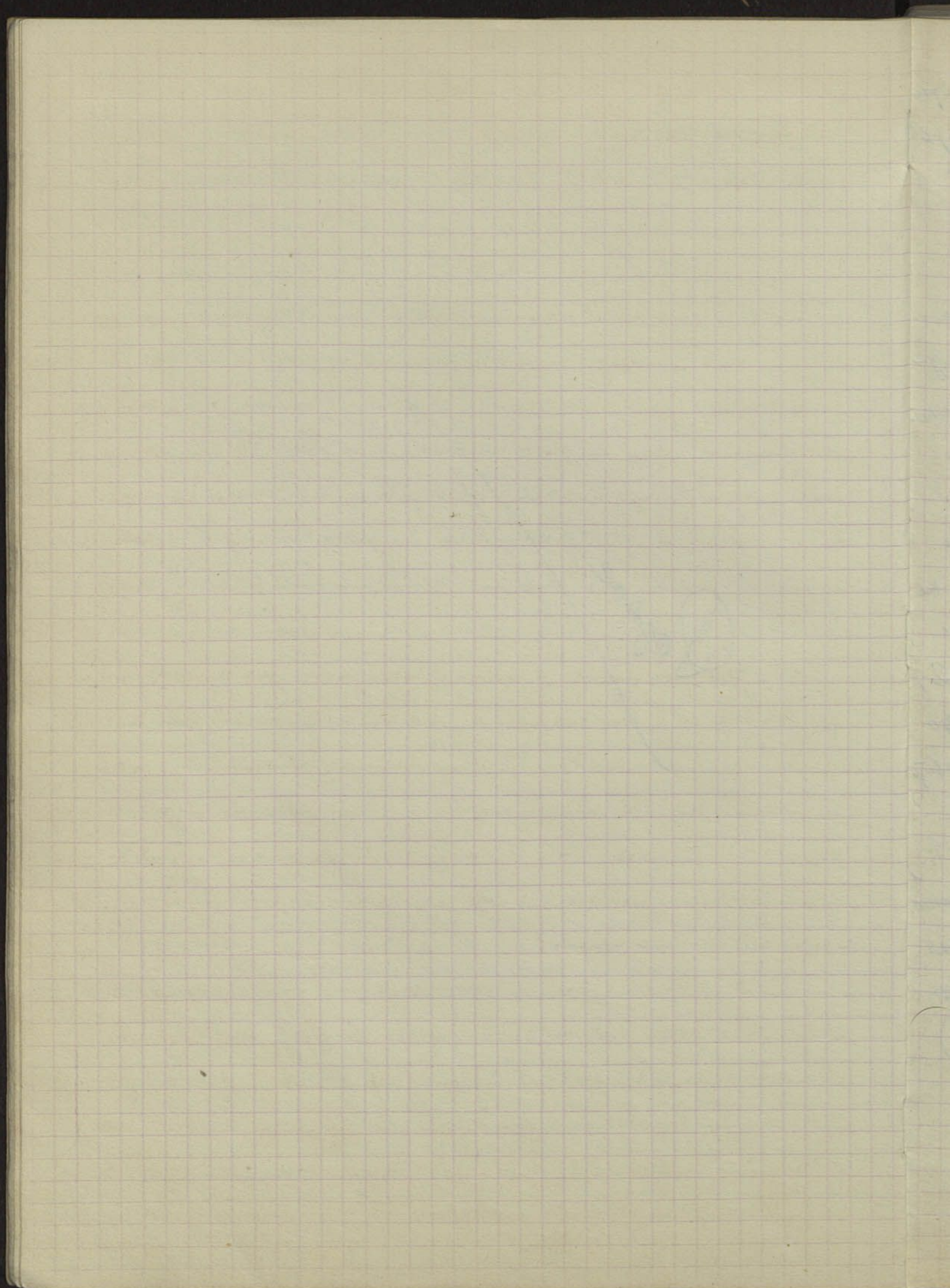
Где-то эпохи бубен
Без прощанья, без снов...
Но все дорожке людям
Рассветов тишина,
И тишина улыбок,
И тишина звездный час,
Так хрупки и так зыбко
Они теперь у нас.

(„Где становится затишье...“
с. 138).

~~Positive~~

Сухотина-Полетая Т. Л. Дневник. -- М.:
Современник, 1984. -- 560 с. -- 200.000 экз. -- 2 р. 10 к.

" Я одному себе: это то, что я чувствую, что
я буду совершенно равнодушна к тому, если я буду хуже других
одета, что лошади будут хуже, чем у других. И вообще
мне ни за что внешнее не будет стыдно, как было
в прошлом году, и не потому, что все в нынешнем
году будет лучше, а просто потому, что я почувство-
вала, что это не важно в жизни и что, как
папа говорит, стыдно иметь, а не стыдно не иметь."

(с. 56)

Второй серия мыслей была по поводу разгово-
ра, который имел папа с мамой третьего дня ночью.
Он возмущен вот почему: Иван Александрович поймал
мушкетеров при краже посадки, и их приговорили к шести
неделям в острог. Они приходят просить, чтобы их
помиловали, и мамин сказал, что ничего не может и не
может для них сделать.

Папа после того, как узнал об этом, сделался
страшно мрачен, и вот третьего дня ночью он с
мамой имел крупный разговор, и он опять убеждает
маму все забыть и говорил, что она пожалеет
после его смерти, что не сделала этого для счастья
их и всех детей. Он говорил, что видит только

два выхода для своего спокойствия: один — это уйти из дома, о чем он думал и думает, а другой — отдать всю землю мужикам и право издать ее соименный в общую собственность."

(с. 200)

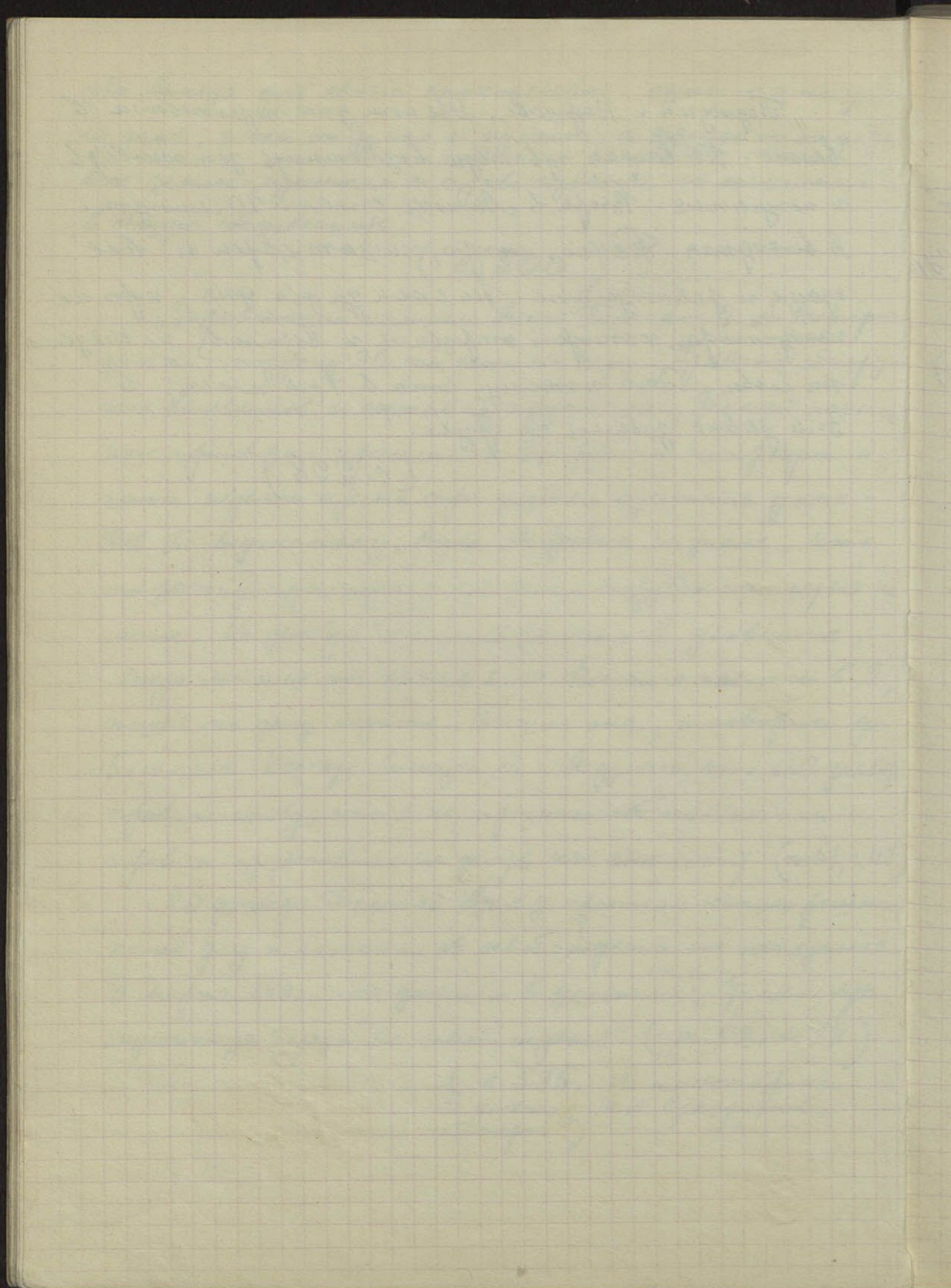
"Управляющий имением Иеная Поляна — И. А. Тезнер заметил порубку 30-ти саженых берез. Грабник обнаружил виновников и составил протокол. Земский наместник приговорил крестьян к 27 рублям штрафа и шести неделям ареста при выездной арестной доле. ~~Но~~ По-видимому, Софья Андреевна не знала, что по закону примирения по делам порубок settlements не могло. 16 декабря Шолетой записал в дневнике: "Вчера лег и не мог спать [...] Встал с постели в 2, пошел по залу ходить. Вышла она, и говорили до 5-го часа. Все это выказала ей. Я думаю, что надо заявить правительству, что я не признаю собственности и прав и представляю им дело как они хотят" (т. 51, с. 113)

20 декабря Шолетой взял у крестьян копию решения по их делу и хлопотал об освобождении от наказания. 9 марта 1891 г. он записал в дневнике: "Узнал, что мужики за березы не освобождены" (т. 52, с. 17)

(с. 535. Комментарии к дневнику М. В. Суворовой-Толстой)

"Подходим к Варшаве. Все ночь уже переживала в
вагоне. Но в вагоне чувствую возможность затосковать
и не умираю. Везде в Минске стоим 40 минут.
И в вагоне. Темно, мокро, кишат евреи и все
худшие и равнодушные. Ни слов за два часа, кроме
кондуктора, который отрезвился и веселит, не сказала
ни слова. Это потому, что в 1-м классе; в
3-м даже завелась бы дурь."

(с. 298).

А. Блок.

Я лучшей доли не искал...: Судьба
Александра Блока в письмах, дневниках,
вспоминаниях. - М. "Травелер", 1988.

Не может сердце жить покоем.

А. Блок.

Благославляю все, что было,
Я лучшей доли не искал,
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты познал!
А. Блок.

"Всем телом, всем сердцем, всем сознанием —
слушайте Гегелюшкина." (с. 488)

А. Блок, "Интеллигентия и революция"

"Не знаю (или — знаю), почему вы не увидели
Октябрьского величия за октябрьскими гниющими,
которые были ~~мало~~ очень много — много было во
много раз больше" (с. 476)

А. Блок.

"Марксисты — самые умные критики, и большевики
кровою, опасаясь "Двенадцати". Но... "трагедия" художника
остается трагедией. Кроме того:

Если бы в России существовало действительное
духовенство, и не только сословие правящего
тупых людей духовного званья, оно давно бы "ушло"
то оберьятачество, что "Крестное с Красногвардейцами".
Едва ли можно опознать эту истину, простую для
людей, читавших Евангелие и читавших о нем.
У нас, вместо того, они "отлучаются от церкви",
и эта буря в стакане воды мутит и без того
мутное (художнически мутное) сознание "крупной"
и мелкой буржуазии и интеллигенции. (с. 474)

А. Блок.

19 октября [1917]

Дневник

Вчера — в Совете рабочих и солдатских депутатов произошел крупный
раскол среди большевиков. Зиновьев, Троцкий и пр. считали, что выступление
20-го нужно, каковы бы ни были его результаты, и смотрели на эти результаты
пессимистически. Один только Ленин верит, что закваска демократией
действительно ликвидирует войну и наладит все в стране.
Таким образом, мы и раньше — сторонники выступлений, но один — с оговоркой,
а Ленин — с предвидением добра. (с. 453)

19 марта. Вечером. 1917. <Петроград>
письмо матери

Для меня мечта и прилепана Будущая Россия,
как великая демократия (не непременно подобна Амери-
ке). Все мои пока непомысленные дорожные впечат-
ления от нового строя — самые лучшие, думаю,
что все мы скоро приважем к толпе, что чуть-чуть
"шокирует" (с. 453) А. Блок

Неизбегает интернационализм — не знает и
не чувствует чуждого языка национальностей (с. 467)
А. Блок (из запис. кн. 1918г.)

Сатюшике Валерии, О писателях и
русской поэзии // Мол. гвардия, 1991, № 1,
с. 258-275.

Разделы статьи:

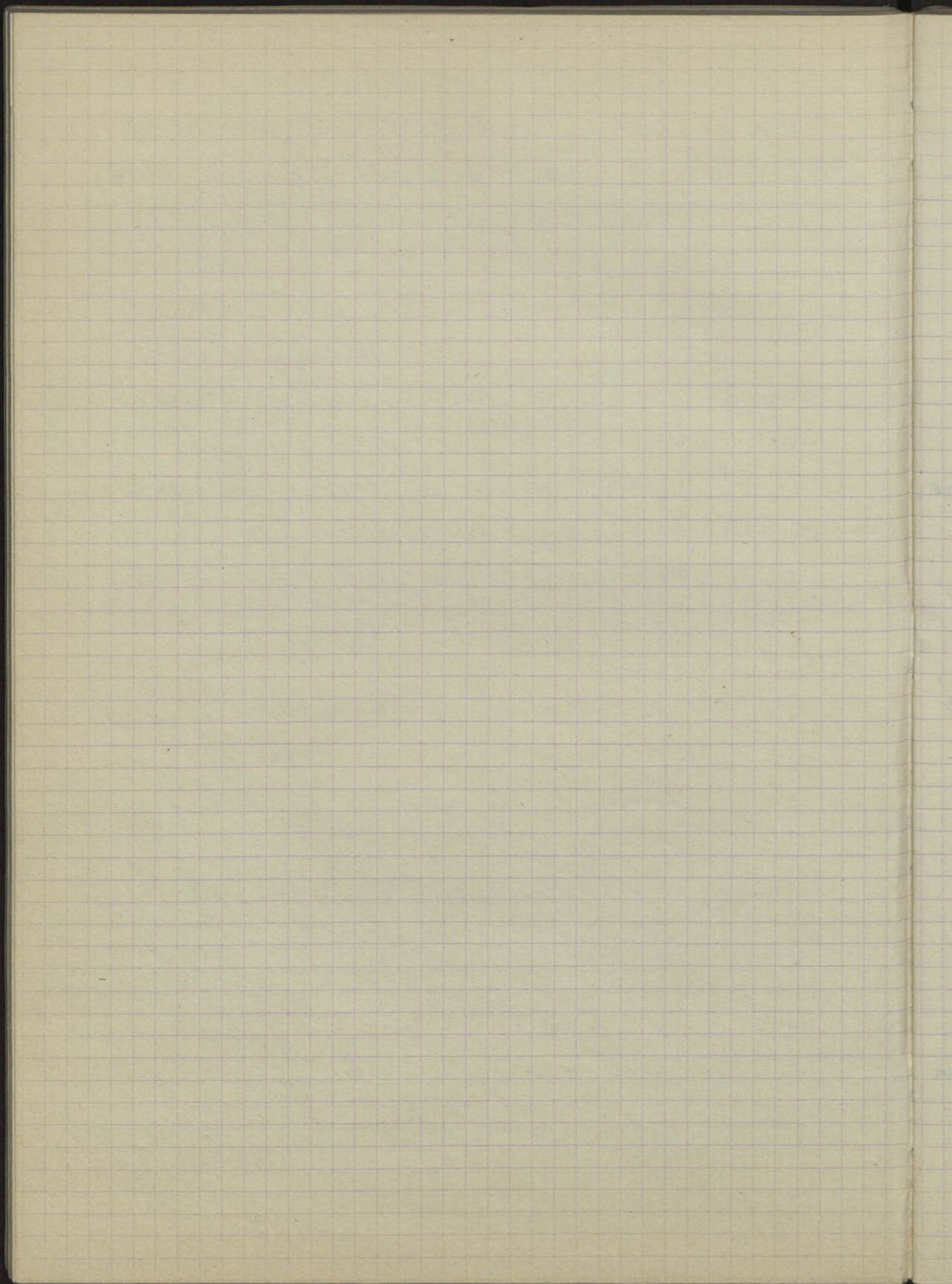
Путь измены (о Э. Евтушенко)
Путь отчуждения (о Т. Акундулиной)
"Среди торжеств светил" (о Юлии Кузнецове)
"Пост для России" (о Викторе Смирнове)

И вечно помни: только не тебя
Отечество с надеждой смотрит светлой смутной
В. Смирнов.

Простилаб день с веселостью вчерашней,
До злобы недовольная собой.
Народ прозрел — а это очень страшно
Для тех, кто шепчет, что народ — слепой.

Но нету места шесте и презрению.
Лугам сквозь ярость снега и дождя,
Сквозь гни и гни к великому прозрению
Народ ведет незрячего вождем.

В. Смирнов

суп'ізна і прыхільна праанемізавань
ведзь Іўгеніі Інішчыц, Варыі Жо-
тавай, Ёнфа Семашкевіча, Тенадзя Паш-
кова. Але як такая публікацыя —
аўдыя.

Выдадзена анталогія беларускай паэзіі
„Як вада, як агонь“ (), усе
пераклады для якой зроблены Верай
Рыт. У яе ж перакладзе вое-вое выйдуць
зборнік твораў непадобных да сабе беларус-
кіх паэтаў пачатку XX стагоддзя —
Максіма Багдановіча, Змітрака Тэадуса
і Аляксандра Гаруна. Збіраюцца выдаць
доктарскую дысертацыю Мірыя Акінар,
прысвечаную мове беларускага „кітаба“,
які захоўваецца ў лонданскай Нацыя-
нальнай бібліятэцы.

У Англі-беларускім навуковым тава-
рыстве — 51 член. Яны сістэматычны,
раз у адзін-два месцы збіраюцца ў
Лондане, у бібліятэцы імя Скарыны
на лекцыі па беларускай мове. Аргані-
зуюцца ведавы і канферэнцыйны. Нядоўга
прабываюць у Англіі, прысвечаную староўдзю
Д. Купалы і Д. Конака.

Спрымаюць куды адзін у таварыстве

займаецца прафесар Анольду Макмірн, аўтар першай англамоўнай „Гісторыі Беларускай літэратуры“. Аўдаў на вступіў з дакладам пра Васіль Трыкава. На каровы кампусе славістаму ў Кіеве братце даклад „Купалаўская „Танца-раўна“ і „Шайтанка““. Ва ўжыво справу робіць сваімі перакладамі Вэра Рок. Яна здольная пастале, ведае многія мовы, Аўдара англійска, яе перакладчы друкаваніся ў лонданскім часопісе „Мэніарольд“, амерыканскія выданніа.

Мікалай асоба Шэфон Акінер. Траўска ў яе пакіетамец, мовы — белійска, а займаецца яна Беларускай. Я займаецца французска, апаўгана. Імьт з павінен называць прафесара Джоні Сфрэнга з Лондана і прафесара Тітэра Мейо з Мэсарільда. Першы займаецца гістарычнай геаграфіяй Вялікага княства Літоўскага, другі — Беларускай літвістэскай, выдэў першыю англамоўную грамадскую Беларускай мовы. Заснавана яна на сучасным праванісе. Гэта вельмі падкрэсліць

у сувязі з тым, што ў Канадзе ввійшла
Беларуская грамада, куды багачэй-
ша на афармленні, у двух таллах.
Аднак правамі яе, не садзейнічал
ўдзельнаразумна. Гэта „неадпраўна“
правамі Магашкевіча, які ўжо даўно
ввійшаў з прэскамі...

Сакратар Скарнінскай бібліятэкі
Тэй дэ Пікарда, брэтонскі па паходжанні,
корыст па прэскамі, апублікаваў некалькі
прэскамі па гісторыі старажытнай
Беларускай музыкі, пра менавіта ў
Лондане, звязаны з жонкамі і дзецінамі
Аляксандра Рупінека. А мадаўка
зрабіў зручнаўны даклад пра Беларуска-
кую кулію.

Што датычыцца Беларускага боку ў
таварыстве, то найбольш актыўны тут,
вадамі, дырэктар Скарнінскай біблія-
тэкі і музею ў Лондане Аляксандр
Гадсон. Ён вадаў кніжку пра Кірылу
Трудаўскага, апублікаваў некалькі
артыкулаў пра Скарніну і заботы
політы Беларускага пісьменства.
Цяпер робіць велькі карысны агляды
праца на Беларускай мове, літаратуры,

і фальшкларнетисти для амніїєк
Бібліографічна М т о д н і к а ... 1)

Лойко О. Книга Курала. -- М.:
Мол. гвардия, 1982. -- 351 с., ил. -- (Жизнь
замечат. людей. Серия Биограф. Вып. 13 (630)).
-- 150 000 экз.

Из предисловия И. Мамлякина:

„Мне кажется, что книга потому и
удалась, что написал ее хофский поэт,
серьезный ученый, проникнувший в тайны
кураловской поэзии, сумевший по сценкам,
по их настроению, времени и месту написа-
ния восстановить с точностью, которая не
вызывает сомнения, многие факты биографии
Курала, его взаимоотношений со своими совре-
менниками, моды разных политических
взглядов, ориентации — и таких, как Кенес,
Тойло, Уматов, Маданкевич, которые
верно ознакомили нас во все периоды
его революционной истории, и с теми,
кто, испугавшись Октября, оказался за
пределами Родины или скатился в националистич-
еское болото.

Хочется особенно подчеркнуть и именно
это качество книги Олега Лойко —
ее историческую достоверность не только
там, где она подтверждена документами,
но и в тех случаях, где документов

нет, не было их или же они утверждены и автору своей фантазией, исследователемской интуицией, знавшим тогда надо было восполнить эти „белые пятна“. Олег Лойко делает это не на путях романного вымысла, но опираясь на основе документов — стилистических, поэзи, драм. Автор ведет в давнишнего метицу: „Биографический писатель — это его произведения.“ (с. 5-6).

„Формально Алексей Луцевич и в самом деле был не из мужиков. В драм, 1905-м, вышком — для всей России революционной — году он паспорт еще не имел. Но когда 15 сентября 1907 г. Минская мещанская управа выдает Луцевичу Ивану Доминиковичу паспорт, на первой странице его будет записано: звание — мещанин. Этот мещанин, однако, не происходил из среды ремесленников или мелких торговцев. Он родился в семье землепашцев поместья Зембожинского. Именно землепашцами этого поместья и названы в „Семейном списке Минской мещанской управы“ все пять братьев Луцевичей: Доминик, Михаил, Адам, Антон, Юлиан (Семейном

списке Луцевичей за 1883 год, то есть
составленном год спустя после рождения
будущего поэта). Землепашцами Луцевичи
стали после того, как не получили офи-
циального подтверждения на шляхетство,
которого более тридцати лет добивался
Онуфрий Луцевич — дед Янки Тупальскаго.
Впервые указ Правящего сената — Времен-
ной служебной геральдики — о неутвержденности
рода Луцевичей в шляхетстве из-за недостатка
доказательств дед получил на руки в
тридцать три года и, понятно, удовлетво-
рен не был. Дело Луцевичей Правящим сенатом
рассматривалось затем в 1850, 1856, 1862,
1864, 1869 и 1871 годах, но упрямство и
разорительно тратился дед Онуфрий напрасно.
Напрасно аж до седьмого колена восстанав-
ливал родословное древо — князь Лев Виттен-
штейн лишил его последней надежды, выкап
из родового гнезда, из Лазаревичины в Мухомо-
ском уезде Минской губернии... Получил же
род Луцевичей Лазаревичину еще в 1692 г.,
9 декабря, на основании привилегии князя
Радзивилла" (с. 21-22).

„Макаровое герцогство выскребало в национально-освободительном движении политический кришнал, подталкивало власти к расправе над новооявленными „профоклами“, фатовало за лишение макаров-соседей тех прав, которые царь, напуганный революцией, вынужден был в 1905 г. предоставить. Особенно беспокоило шовинистов существование именного указа Александра II от 25 декабря 1904 года об отмене всяческих ограничений в использовании местных языков в девяти губерниях: Виленской, Ковенской, Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской, Волынской, Гродненской, Могилевской, Витебской, Волынской, Киевской, Подольской. Как раз на основании этого указа было принято правительственное постановление, утвержденное царем 14 мая 1905 г., о свободе печати на местных языках в девяти вышеперечисленных губерниях.
(с. 45-46)

„ В начале 1908 г. во Львове на укр.
языке вышла брошюра И. С. Свентицкого
„ Возрождение белорусской письменности? “
В приложении к ней Свентицкий помещал
два стихотворения Купалы: „ Это ты
спишь... “ и „ Там “. Это были те самые
стихи, которые под написал и издал
забыл в Яшиловщине. А Свентицкому
он передал их в прошлом году в редакцию
газеты „ Минский курьер “, где его с
Иларконом Семеновичем и познакомил
тогда же Самойло. Едва брошюра
вышла в свет, она тотчас же легла
на стол петербургского цензора Васи-
льевича-Макаревича. Цензор прочел
произведения Марки Трездовского (так
было подписано стихотворение „ Это
ты спишь... “) и Януша Купалы (это
имя стояло под стихотворением „ Там “)
и, найдя их крамольными, передал Брошю-
ру графу Муравьеву „ для запрещения “ с
невыдачей пресителям. Муравьев наложил
резолюцию: „ Запретить согласно докладу
и не выдавать. “ Это произошло 5 марта
1908 г., буквально за несколько дней до
выхода в Петербурге в товариществе

„Затанет солнце и в наше окошко“ еборника
„Жалейка“. И сраетъе Купалы, что
Бюрократическая машина сработала на
еей раз не столь оперативно, как в
случае с брошюрой Светицкого. „Жалейка“
попала на рассмотрение в Санкт-Петербургский
комитет по делам печати
при министерстве внутренних дел
только по делам печати при министерстве
внутренних дел только 14 октября
1908 г. Постановление было жесткое:
наложить штраф и привлечь к ответственности
лиц, виновных в напечатании.
А 4 ноября тот же комитет обратился
к прокурору Петербургской судебной палаты
с отношением, в котором просил
начать следствие против Купалы и
тех, кто имел касательство к
изданию „Жалейки“. (с. 51-52).

[Первая рецензия на „Жалейку“
Я. Купалы написана Яковлевичем М.
(„Минское око“, 1908, 9 июля)].

[Читая рецензию „с первой же фразы“
Яковича своего старого приятеля: по

изливости токи, по шутливому при-
словью: „Лучше быть первым на деревне,
чем вторым в Риме“. Дед шутку
принял, не замечая, что в контексте
отзыва она не столь уж безобидна,
что приравновешивание „деревни“
и „Рима“ ставило „деревню“ на зыбко-
мо низшую ступень. Но затем эра
изливости токи стала язворастью,
потому что перешла уже в язворасть-
ную язворасть. „Молит Белорусская
стихов Анны Купальны“ — „новоиспечен-
ный...“ Самойло — „Белорусская“. Язык
Белорусов — „умирающее наречие“,
„мопорок...“ И что с того, что после
слова „мопорок“ в скобках стояло:
„Гуэт протят ~~яна~~ мне белорусы,“¹⁹⁰⁷
что с того, что Купала дважды был
назван постом народным и дарови-
тым? Суть дела эо не меняло:
Явлинск ~~яна~~ М. задел дед за живое.
Он поверить не мог, что все эо написал
Андрей Левинский из Картиловки, который
сам был автором прекрасных рассказов
на прекрасном, казалось дедо, белорус-
ском языке. (с. 52-54) 1908.

Другая фразанция у „Н. тиві“ № 21 была гадарман

В. Ластовский сраж. работав секретарем
"Академии наук" с марта 1909 г., переехав в
Вильно из Петербурга. (с. 67).

с Сергеем Голуцким купала познакомила
в августе 1909 г. (с. 88).

"Фактически контора издательства
[*"Земляне сонце і ў нешча вясковыя"*] находилась
в квартире профессора [Теофила Игнатьевича
Эмиха-Шипило, жил на 4-й линии Васильев-
ского острова]. Она вообще была местом,
где в годы жизни Купалы в Петербурге
собирались вся творческая, родом из Гомельщины,
молодежь — те, кто учился, работал в
столице. Собирались у Эмиха-Шипило
по субботам, и как раз на зрелых субботних
завязались у Купалы первые петербургские
знакомства: и с названным уже Евгением
Грибневичем, и с собирателем белорусских
народных песен Антоном Гриневичем, и с
польским композитором, уроженцем
Вилкомиря Станиславом Казарой, с
кожевником и поэтом из белорусского
местечка Копыль Витольдом Жигуновичем
— Янкой Тафтовым, с тогдашним студен-

том историко-филологического факультета
Петербургского университета Григорием
Жерсишвилием... "

(с. 96-97).

"Там поздний ноябрь 1910-го. Петербургская
судебная палата судила Франциска Тоще-
вича как автора "Дюды" и "Смыка". Пре-
седательствовал сенатор Крашенинков...
Защителю Тощевича адвокат Толдунтейн.
Тощевича уже десять лет как не было на
свете, но жила, звали на борьбу "Дюда
Белорусская" и "Смык белорусский". Среди
публики на хорах рядом с Евгением Педцевичем
стоял Янка Купала. Суд был самым настоящим
— по всей форме. Как же, были оскорблены
мурдир и честь самого князя Рованского,
о котором Купале рассказывал Педцевич.
У Тощевича это возог дает этот самый
князь Рованский неговорилову мурдирку
Матерю, который тем провинился перед
князем, что не стал воздерживаться в
лону православной церкви. И церкви
у Тощевича нанесено оскорбление. И
памяти о генерал-губернаторе Муравьеве.
Но защитник Толдунтейн не выкоп
шит. Вот у него в руках книга прозо-

просвитера военного и морского учреждения,
царского духовника Мавельского под
названием „О всеединении уншатов с
православной церковью“. Защитник
книгу и читает, что бесстыдство князя
Ловянского ввиду дела православия в
Северо-Западном крае. А не о том ли
я Горюшевиче? Адвокат легко доказывает,
что и стихотворение „Матве“ не архи-
ерическое, не антипомещичье,
что оно всего лишь заперлованные
сватильские заповеди. Суд в землетряс-
стве, суд „увлажняется на совещанье“ и
оказывается не таким грозным, как
надутый сенатор Крашенинников и
голосистый, словно пермяковская труба,
прокурор...

— Суд, если он не суд — судимые, —
заключает Купала и думает, что
хоть эти грозная туча не будет
висеть над товариществом и „Дудка
белорусская“ и „Сивих белорусский“ теперь
свободно пойдут в продажу. А это хоть
что-то да значит для фирманных
дел издательства, столь близких теперь не
только Эпимах-Митинго, но и Купале?
(с. 110 — 111).

„ В 1911 г. он [Д. Купала] познакомился с Владимиром Талактионовичем Короленко, 7 января подписал ему „Жалейку“ „у знак швырай паша мосты да яго права на полі грамадзянскім?“ Не это ли „некрепкое уважение к одному из честнейших тицарей России вывело в том же году и самого Купалу“ на ниву гражданскую, когда он 30 ноября вместе с В. Короленко, М. Губогиным, Л. Андреевым, А. Толстым, С. Сергеевичем-Ценским, А. Тмоком, А. Семеновичем и др. литераторами подписывал обращение „к Русскому обществу“, в котором жребляемель влиета жребляемельцев, на имприникация М. Гейнису убийства Русского мальчика в ритуальных целях ...“ (с. 112).

30 декабря 1912 г. был утвержден устав „Велорусского литературно-научного кружка студентов С.-Петербургского Ун-та“. (с. 113).

„ Купала в эти годы близко сошлась с поэтессой Людасой Гирой, художником Юриенисом, композитором Стасисом Шимкусом. С Юриенисом, они какое-то время жили поблизости, с Людасой Гирой — на одной, Виленской улице. Купала с Гирой даже крестили новорожденному Стасюте — вторую дочь Марии Пеледы. Католическая вера позволяет брать в крестные отца и мать. Так вот, два народных поэта — белорусский и литовский — стояли у купели стоя в дождь сердцу Марии левшой дочери ”
(с. 139)

... „ Своих литературных гостей Вильно принимало общими силами: все — русские, белорусы, литовцы, поляки — встречали в августе 1914 г. Валерия Гюжова, как до того, в конце 1913 г., Константина Гальмюфа. Гюжова принимали сначала в помещении мирового клуба „Гута“, а затем отдельно встречали с ним представители редакции „Нашей жизни“ и „Возвращенной газет“. Гюжов посетил и магазин белорусской книги, семью редакции „Нашей жизни“, которую тогда уже возглавляла Купала.”
(с. 139-140)

спит седоусый, сюрбленый водяной..."
Терегу при же шла преамбула: "Тогда -
новый - сознательный поэт: он не только
чувствует красоту - он ее понимает!"
А не эту ли красоту, как Андрей,
вместе с Давидовичем М. объявили декадент-
щиной и списывали в архив? Не
все 180 градусов новатор! Декадентщина
и воруз - "настоящее", "чистое
искусство". А у кого неистоящее?
У Купала, у Кошаса?!"
(с. 143).

"... 7 апреля 1914 г. Купала назначен
уже редактором "Нашей жизни", Александр
Власов - издателем, а с 16 мая 1914 г.
Купала вообще редактор-издатель
"Нашей жизни".
(с. 144).

"В Одессе 5 мая 1923 г. тот семейный
Данилович, библиограф у которого
в 1908-1909 гг. был Купала, подписал
справку: "В 1911 году в село вступил
компаньон Андрей Иванович Лапкевич
[Луцкевич]; библиотека была переведена."

в д. № 33 на Виленской улице. В 1914 г.
я продал свою часть Антоному Ивановичу
Ланкевичу... И так, с 1914 г. Андрей
Ланкевич [Луцкевич] стал „единоправ-
ным обладателем“ виленской б-ки
„Знамя“, к этому времени таким же
полноправным хозяином „Гелюфусской
книжной лавки“ был уже Вацлав Ласов-
ский [Ластовский].”

(с. 159-160).

Критик и публицист Левон Тимфак
был убит на эфуджаре в 1915 г.

(с. 180)

„21 января 1919 г. Анка Курана переехала
на постоянное жительство в Минск”.

(с. 182).

„Вмешиваясь, да еще как вмешиваясь
Курана в политику в 1919-1927 годах!

Он фальсифицировал „Колонок“ („Звон“) в 1919 г., „Восход“ („Ручьи“) в 1920-м,
„Свободное знамя“ („Вольный свист“) в 1921-м. А про согласия с поэтом, что он не вмешиваясь в политику, прогнать его Гакцго

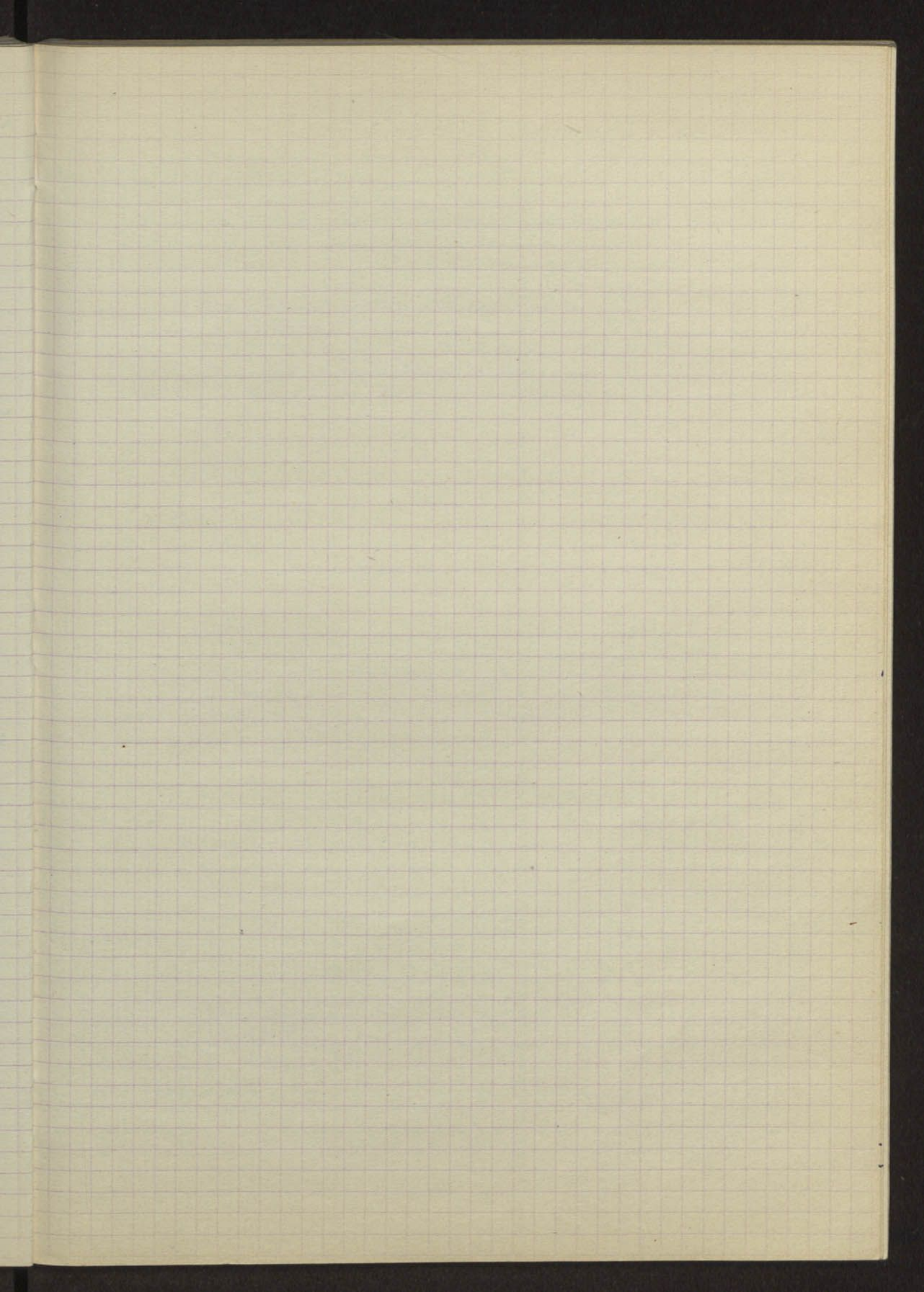
публицистическую статью в газете
"Владарь" в октябре-ноябре 1919 г., как
"Познание"? А его выступление в двух
январских номерах 1920 года той же
газеты с заголовком "Дело независимости
Владаря за прошлый год"?

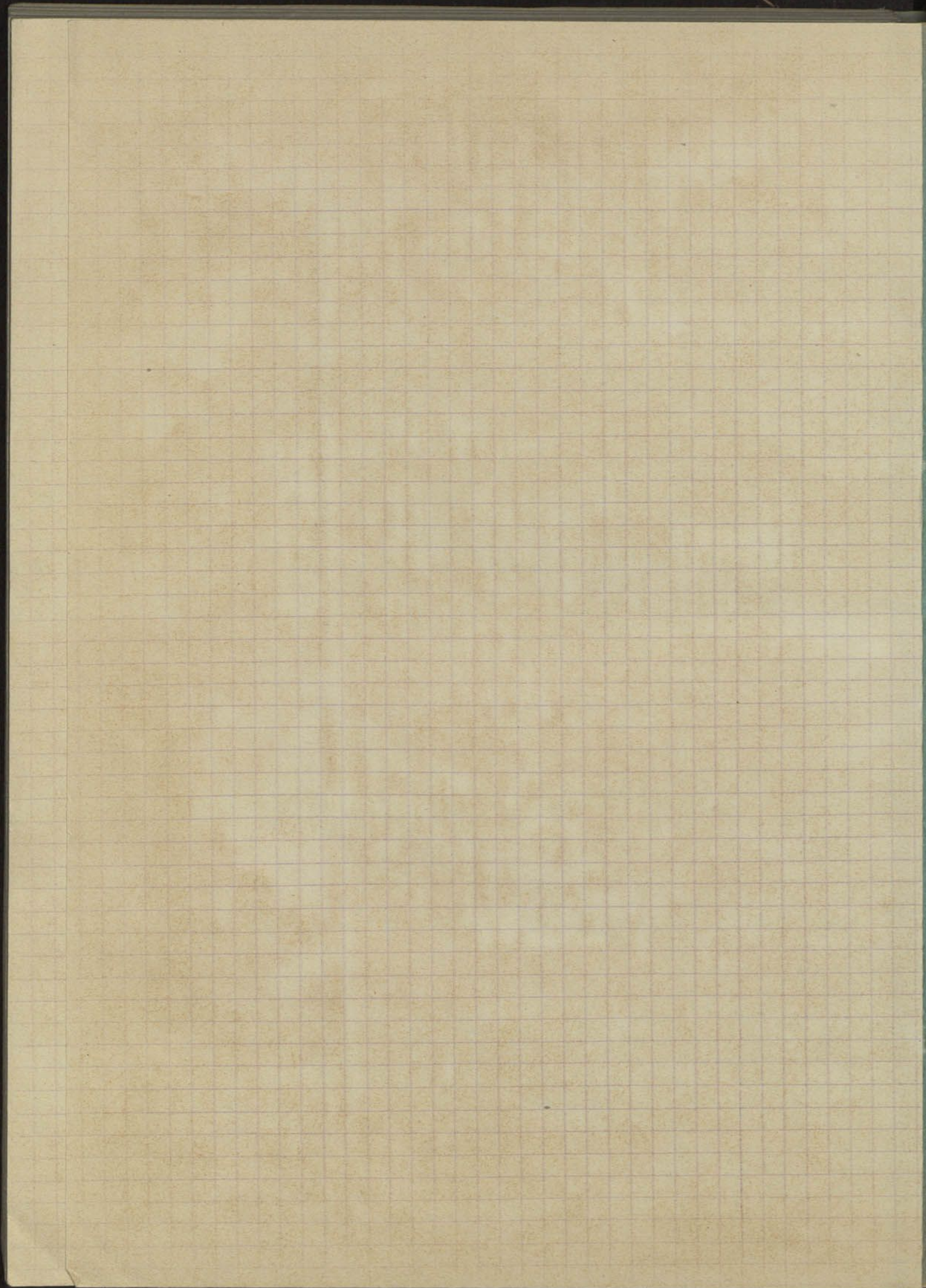
(с. 189)

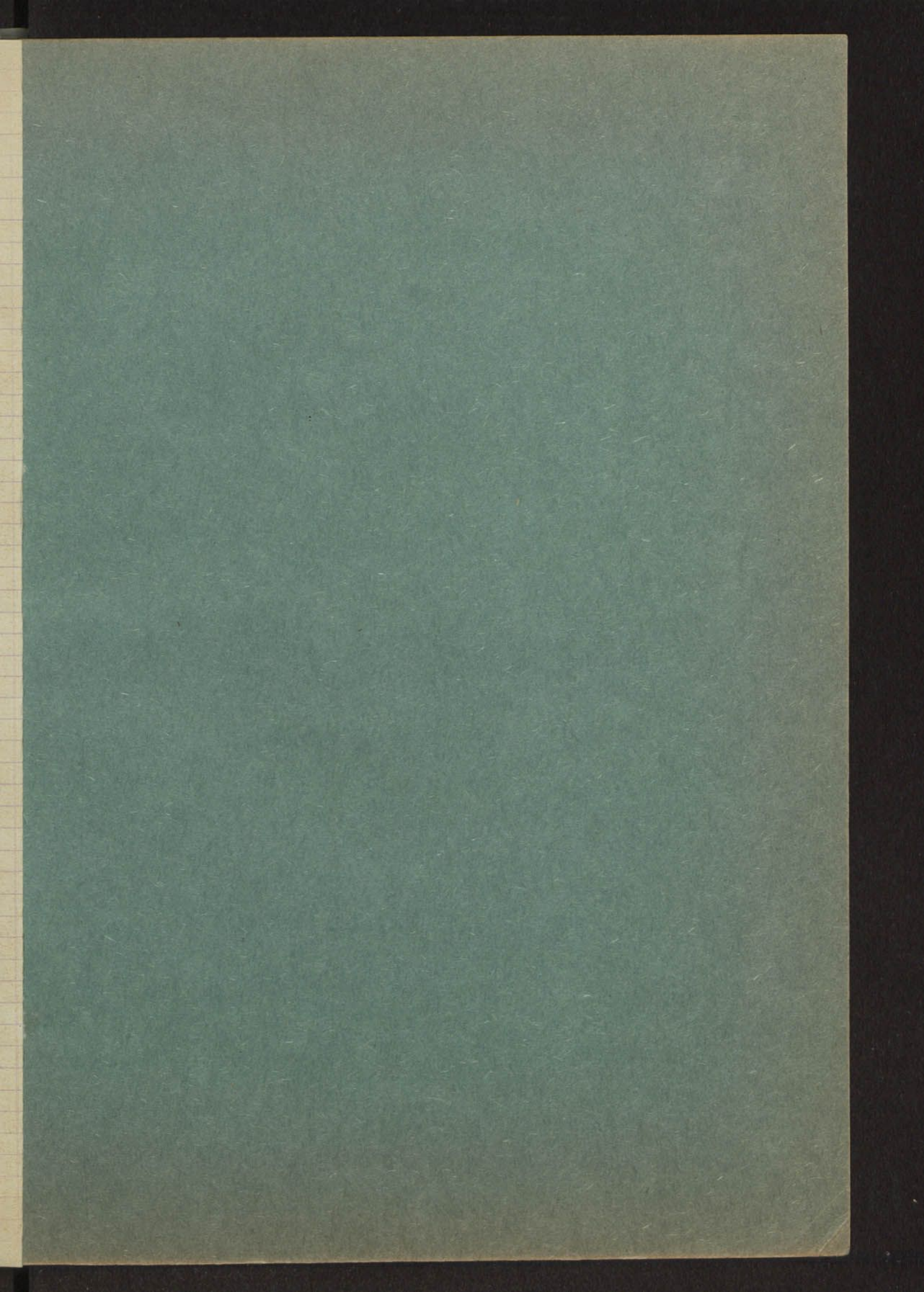
"26 декабря 1928 г. купала был выдан
академиком, а через день к нему в
двери дома 36а на Октябрьской улице
постучал, как всегда, корректный
профессор, и постучал не только
для того, чтобы поздравить своего друга
с этим событием. Дело в том, что профес-
сор с подержанной товарищескими видами
держал под мышкой папку, которая
и таила в себе редостную неожидан-
ность для хозяина дома под топотом.
В папке были списки, целых 65 списков-
вопросов, — сурово-воинских, для той
поры подпольных. Мелочливый владе-
лец рабующей папки обнаружил их
случайно во время очередного приезда
в Ленинград при упорядочении своей

Библиотеки. Об этом событии газета
„Савецкая Гэмадзр“ сообщила 20 января,
а уже в феврале и марте того же
года часть найденных стихотворений,
была опубликована в журнале „Голымыдз“

(с. 226)

Артикул 6701р-БЛ
Цена 95 коп.
I сорт
96 листов
ГОСТ 13309-74
г. Добруш

30H//5170 (026)